

Граф колол дрова. Войдя через калитку, Вадим даже залюбовался этой работой. Колун легко взмывал над головой дровосека и под бодрое «Кхя-ах!» разваливал чурку надвое, а потом легко откалывал от половины аккуратные поленца. Выпрямившись, чтобы поставить на попа очередной кряж, граф заметил гостя и повернулся к нему. Толстый вязаный свитер не скрывал худобу высокого человека, в котором чувствовалась особая стать, такая белая кость.

– Здравствуйте, ваше сиятельство! – с лёгким полупоклоном поздоровался Вадим. – Или Ваше благородие? Извините, не знаю, как правильно.

– И Вам не хворать, молодой человек. Чем обязан?

– Вот зашёл земляка повидать, – не зная, как начать разговор, сказал после непродолжительной паузы Вадим. – Вы же из Ленинграда?

– Я жил в Петрограде, – не очень любезно ответил хозяин. – Новое название появилось уже после меня.

– Извините! Значит, я не ошибся. Вы ведь Платон Николаевич Зубов?

– Имею честь. А Вы, молодой человек, простите, по какой надобности?

– Я Вадим Раевский, из Ленинграда. Студент. Здесь на практике в районной газете, узнал, что есть земляки, решил зайти. Познакомиться.

– Журналист, значит.

– Пока только практикант.

– Познакомиться, значит? Полюбопытствовать, как доживает свой век представитель русской интеллигенции? Из органов? – хозяин пристально посмотрел в глаза Вадима. – Вроде бы, нет. Повидал я на своём веку тех, которые из органов. Думаю, с чего бы снова ко мне? Живу тихо-мирно, никого не трогаю, политикой не занимаюсь. Дровишками вот запасуюсь на будущий год. На морозе они ох как хорошо колются.

– Не тяжело в Вашем возрасте?

– Возраст, молодой человек, это больше от состояния души зависит, а не от записи в документах. Как, Вы говорите, Вас звать-величать?

– Вадим. Вадим Раевский.

– Из каких Раевских быть изволите? Фамилия довольно известная.

– Отец Альберт Львович Раевский – профессор Ленинградского университета. Философию преподаёт, мама уже на пенсии.

– Это не Льва ли Сергеевича Раевского внук? Имел честь в студенчестве его лекции слушать. Великого ума был человек! Революция его вроде бы не коснулась. Он же в Финляндию эмигрировал. А как Вы, молодой человек, на этой стороне оказались?

– Так получилось, что дед на даче своей жил в Куоккала, на финской стороне, а мой отец в Ленинграде. У деда же квартира была на Васильевском, на углу Малого проспекта и Четвёртой линии. Может быть, знаете?

– Как не знать? По большей части там раньше немцы проживали, больница была для душевнобольных, женская гимназия, доходные дома. Там квартиры снимали многие российские знаменитости. Профессора Сеченов и Павлов, художники Шишкин, Маковский, Васнецов, Репин.

– Именно Илья Ефимович и рекомендовал моему деду приобрести дачу в Куоккала. Они там почти соседями были.

– Похоже на правду. В таком случае пройдёмте в дом, молодой человек. Что мы тут на морозе стоим? Только не обессудьте, убранство у меня деревенское. Впрочем, Вам тоже дедовское наследство вряд ли досталось.

– Дедовскую квартиру надвое разделили. Он хоть и проживал в Куоккала, но до самой смерти оставался профессором Ленинградского университета. Правда, был также

профессором Хельсинкского (Александровского) университета. А бабушка так в Ленинграде и жила. А Вы когда из Ленинграда, извините, Петрограда, уехали?

– Если быть точным, не уехал, а увезён. И не по своей воле. Вы, должно быть, слышали про философский пароход?

– Да кто же об этом не знает?

– Не скажите, не скажите, Вадим Альбертович. Так ведь Вас, кажется, величают? Здесь, сдаётся мне, этого не знает никто. Сейчас я самоварчик поставлю, и мы с Вами продолжим беседу, а Вы пока располагайтесь. Полушубок можно вот сюда повесить.

Вадим повесил полушубок и начал осматриваться. Все стены деревенского дома, ничем не отличающегося снаружи от других, были увешаны пейзажами. В основном на картинах был изображён летний полдень, и лишь на некоторых – ранняя весна, когда на деревьях только-только начинают расправляться листочки.

– Вы все эти акварели из Петрограда привезли?

– Наивный Вы человек, Вадим Альбертович! Уж простите за прямоту! Вы что думаете, я из Петрограда вот так прямо сюда и приехал по собственной воле, потому что мне деревенской тишины захотелось? Это я здесь сам написал.

– Простите, а в Доме культуры в райцентре, в библиотеке тоже Ваши работы?

– Не только. В районе ещё один самодеятельный художник проживает. Талант у человека от бога, вот только ему бы образованности побольше. Тут, знаете ли, удивительно много талантливых людей! А я, прежде, чем здесь оказаться, ещё ведь много где побывал. Помотала судьба по России-матушке! Я Вам про философский пароход начал. В 22-м году Ленин распорядился выслать из страны более двухсот представителей русской интеллигенции, в основном гуманитарной профессии. Как писал Лейба Давидович Бронштейн, он же Лев Троцкий, мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно. Все эти люди без восторга приняли Октябрьскую революцию, это были учёные, литераторы, врачи, профессора, инженеры, юристы. Удивительно, что в этом списке не оказалось Вашего деда! Впрочем, очевидно, не успел высказаться против большевиков. Вот эти две сотни и выслали на пароходе, который потом назвали философским. Хотя, философов там и было всего ничего. Два рейса они из Петрограда в Штеттин сделали, а ещё тогда многих представителей интеллигенции сослали в отдалённые районы. Моего брата в Иркутскую губернию, а меня – на Свирь. План ГОЭЛРО надо было выполнять, а я же инженер, там как раз две станции этим планом строить затеяли.

– Вы против большевиков выступали?

– Молодой человек! – запальчиво сказал граф. – Я простой инженер, ни против кого не выступал. Да и брат мой тоже ни в какие реакционные организации не входил. Мне тогда казалось, что просто новая власть, хоть и была она очень образованной по своему составу, людей образованных боялась. С одной стороны борьба с безграмотностью велась, а с другой образованных не очень жаловали. Вот брата вместе с другими такими же выслали, а меня убрали подальше, чтобы использовать, как это можно выразиться, с боль-

шей для молодой республики пользой. Думаю, роковое значение имела просто фамилия.

– Извините за любопытство! У меня всё в памяти вертится Ваше имя – Платон Николаевич Зубов. Ведь Ваш тёзка Платон Зубов был последним фаворитом Екатерины Второй. Один из активных участников заговора Павла, вроде бы даже его убийцей. Они с младшим братом Николаем этот переворот осуществляли. Или я что-то пугаю?

– Всё верно, Вадим Альбертович! Мои далёкие предки как раз и были теми самыми фаворитами. Платон Николаевич был одним из богатейших людей России в начале девятнадцатого века. Императрица своих фаворитов богато одаривала. И чем старше становилась, тем дороже любовь оплачивала. А Платон Александрович в последний период её жизни власть имел огромную. Все перед ним заискивали, боялись, может потому Александр его и отстранил, хотя, по сути, Зубовы ему власть в руки дали, совершив гнусное убийство Павла прямо в его опочивальне. Верно, побоялся Александр, что и его так же могут однажды. Отстранил от двора, но имущество сохранил, не тронул. Как гласит семейное предание, к пятидесяти годам Платон Александрович выглядел глубоким стариком, тем не менее, женился на девятнадцатилетней красавице. Хотя злые языки утверждали, что он её купил за миллион рублей. Но прожил с молодой женой всего два года. Вскоре после смерти Платона родилась его дочь. Мои же предки были по линии одного из его внебрачных детей, они носили его фамилию и жили, не бедствуя, ибо каждому из своих рождённых на стороне отпрысков любвеобильный папаша отписывал по миллиону. Но деньги деньгами, а титул в этих случаях не передавался, так что напрасно Вы, Вадим Альбертович, меня сиятельством да благородием величаете. Не по чину! Да и обращались ко мне всё больше гражданин Зубов. До товарищей я ведь так и не дослужился. Можно сказать, всю жизнь вне закона.

– Платон Николаевич, Вы сказали, что Вас отправили на строительство электростанций. Но ведь здесь, в районе, вроде бы нет станций?

– Здесь нет, сюда меня уже много позднее определили. Сначала был Свирьстрой. Я на Путиловском заводе работал, знаете такой?

– Обижаете, Платон Николаевич! Теперь это Кировский завод, до убийства Кирова был «Красным путиловцем».

– Вот на Путиловском заводе я и работал. При должности был. В те времена ведь инженеров по пальцам сосчитать можно было. А когда брата из Петрограда выслали, за мной тоже пригляд особый был определён. И не только из-за брата, а из-за происхождения. Коли кто-то из предков в графах ходил, значит и потомки по определению должны быть врагами пролетарского государства.

– Как за врагом народа пригляд?

– Ну, тогда ещё врагами народа не называли. Этот термин много позднее придумали. На Путиловском хоть и начали тогда трактора делать, но ведь этот завод издавна имел военное назначение, артиллерийские орудия изготавливал, броневики, бронепоезда оснащал. А допустимо ли иметь на оборонном заводе неблагонадёжных элементов? Пусть

и под присмотром. Вот меня и определили на Свирь станцию строить. Их там две было запланировано. Собственно, те проекты ещё до революции разрабатывались, да всё время что-то мешало: то империалистическая, то революция. А проект был придуман замечательный – построить плотины на реке с быстрым течением, где полно порогов, и таким образом решить сразу две задачи: наладить нормальное судоходство и получать электроэнергию для Петрограда. Вот меня к этому проекту, про который многие знали, и пристроили. Дело было очень серьёзное, проект контролировал Совнарком. Сам Киров осматривал место будущей стройки.

Эх, скажу я Вам, такого энтузиазма я нигде больше не видел. Там очень сложные условия были. Приехал американский консультант, который больше полусотни гидростанций построил, и засомневался. Мол, может быть вам тут и удастся что-то построить, только вы сами все к тому времени седыми стариками станете. Назвал проект технической авантюрой, равносильной технической катастрофе. А ведь построили, по сути, вручную плотину возвели. Там до пятнадцати тысяч человек работали, в том числе из Финляндии. Были и заключённые. Вот, наверное, тогда и пришла в головы руководства страны идея использовать на крупнейших объектах бесплатный труд заключённых.

В их числе оказался и я, якобы за какое-то умышленное вредительство. И со Свири попал я на Беломорканал. Собственно, ни на Свирьстрое, ни на Беломорканале лопатой я не работал, грамотные инженеры были нужнее землекопов. Я был подключён к проекту, который, опять же должен заметить, ещё Петром Первым затевался. Потом в разные годы четыре варианта предлагалось, даже граф Бенкендорф свой план предлагал в 1800 году, но все они царским правительством отвергались из-за дороговизны. А при Советах, когда на строительстве станций на Свири одному из руководителей ОГПУ по фамилии Френкель пришла идея использовать бесплатный труд заключённых, затраты могли быть сведены к минимуму. Вот тогда проект и подняли. И ведь сделали то, что двести лет своего срока ждало.

Мне там на всю жизнь один плакат запомнился. На нём красным цветом силуэты двух работающих. Один из них – сварщик в брезентовом фартуке с кусками арматуры в руках, второй лопатой роет землю. И текст: «Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок». Этот плакат напоминал, что два дня ударной работы засчитываются за три дня отсидки. Таким образом, стимулировали не отлынивать.

– Не обманули?

– Нет, обмана не было. Действительно, в июне по каналу прошёл пароход «Чекист», вскоре по всему маршруту лично проехал сам Сталин, в августе около двенадцати тысяч заключённых получили амнистию, а ещё шестидесяти тысячам сократили сроки.

– Вы так хорошо всё помните...

– Эх, молодой человек! Так ведь я же это не из газет узнал, это через мою жизнь прошло.

– По «голосу Америки» слышал отрывки из романа Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Там, правда, десятки тысяч заключённых умирали от голода и холода?

– Я голоса не слушаю, поэтому не могу знать, что там зачитывают. Люди, конечно,

погибали. Где-то по два процента в год, но ведь и на воле естественная убыль примерно такая же. И дети мрут, и особенно старики. Одни от болезней, другие от старости, только почему-то говорят всё про смертность в лагерях. А там действительно в последний год строительства смертность выросла сильно, из-за авральных работ, из-за повсеместного голода в стране, ибо на канале по той же причине паёк был урезан. Вот тогда смертность подскочила до десяти процентов. Но, смею Вам заметить, за смертность в лагере начальство строго наказывали, ведь план надо было выполнять. Правда, по окончании работ и жаловали. Канал построили меньше, чем за два года, так что высших руководителей даже орденами награждали. Из наших, из инженеров, что срок отбывали, тоже двоих амнистировали и даже, Вы не поверите, орденом Ленина наградили. Вержбицкого и Жука. Это было невообразимо, чтобы заключённых и в друг – орден. Невообразимо, но факт.

– Вы их лично знали?

– А как же? В одной команде работали.

– А Вы что?

– А что я? Мне срок хоть и сократили, но не амнистировали. Меня отправили на строительство байкало-амурской магистрали, где тоже была нехватка опытных инженеров-строителей.

– Платон Николаевич, извините, но БАМ только в прошлом году стал Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

– Это комсомольской он стал в прошлом году, а сначала тоже был зековской. Это название ещё на Беломорканале появилось, означало заключённый каналостроитель. Сокращённо во всех отчётах писали ЗК. Так и пошло – зэка да зэка. Так вот эти самые зэка и начали БАМ строить ещё задолго до войны. А проекты тоже ещё с прошлого века существовали. Причём, не только БАМа, но железные дороги вдоль Северного ледовитого океана. И проекты были, и даже акционерное общество создавалось. Но опять же специалисты пришли к выводу, что хоть БАМ и нужен, денег на такое сложное сооружение в непроходимой тайге нет, как нет техники и людей. А вот северную дорогу строить хотели. Но первая мировая помешала, потом – революции. А сами проекты хранились опять же до поры до времени. По завершении Беломорканала был создан Бамлаг, и повезли туда заключённых. А наша группа ещё до того была передана особому управлению ОГПУ для координации проекта с учётом проводимой аэрофотосъёмки в районах, где обычным способом сделать изыскания было практически невозможно.

– Интересные Вы вещи рассказываете.

– А Вы, Вадим Альбертович, запоминайте, в жизни, может быть, и пригодится. Не уверен, что архивы откроют, а если и случится, то не скоро. А я, уж коли разговорился с Вами, откроюсь. Впрочем, самовар у меня давно уж и погас. Давайте-ка я его заново растоплю, да и продолжим беседу. Мне ведь все годы и рассказать это было некому. Здешним не интересно, а приезжал как-то журналист из Вологды, так он всё расспрашивал, каково графу в деревне жилось. Всё пытался меня на одну параллель с Толстым вывести, мол, тот

граф в народ пошёл, и я, выходя, по его стопам решил. А невдомёк писаске, что Толстой может с жиру бесился, насучил ему высший свет, решил с простыми мужиками пообщаться. Меня же за ворот из привычной среды вырвали да в лагеря бросили. А там всяко бывало. И после Бамлага я ещё уже вольнонаёмным согласился остаться. Всё одно, думаю, куда мне податься?

– Но в Ленинграде же наверняка жена ждала, дети?

– Да не сподобил господь семьёй обзавестись. Молодой был, всё откладывал, а потом – лагеря. Какая там женитьба? Я ведь почему в Петроград не вернулся? Слышал, что в нашем доме конторы разные разместились, а в доходном доме, или, как теперь говорят, в общежитии, мне бы не выжить было. Насмотрелся я на таких, кто в этих общежитиях жил, а потом к нам попадал. Пьянь сплошная. Ведь социальная среда личность формирует. Среди обшарпанных стен да колченогих табуреток, среди бытовой неустроенности деградация человека быстро идёт. К тому же в Петербурге каждый дом про былое напоминает стал бы, сердце рвать. А в лагере уже всё привычно, да и при моей должности жизнь у меня была не такая, как у простых зэка. Я потом уже начальником проектного отдела был, и жильё отдельное, хоть и на зоне, и кормёжка другая. Вообще, надо признать, заключённые в бытовом плане жили даже лучше вольнонаёмных. Тем самым всё надо было организовывать, а заключённого накормят, напоят, в баню сводят, одежду справят. И за качеством кормёжки контроль строгий был – ибо с начальника лагеря за план строго спрашивали. Поэтому ему нужны были здоровые и сытые работники.

– Вы так говорите, будто там не зона была, а санаторий.

– Эк, Вы, молодой человек, хватили. Конечно, зона есть зона. Но у вольноопределяющихся жизнь была, я Вам честно скажу, куда хуже. Это я потом на своей шкуре испытал в полной мере. Знаете ли, привык, что от тебя работу требуют, а всё остальное тебя не касается, все бытовые проблемы за тебя кто-то решает. Лучше ли, хуже ли, но решает. А тут всё самому приходится. От продуктов до одежды и крыши над головой.

– Да, но вольнонаёмному, имея хотя бы комнату в общежитии, можно жениться, всё равно вдвоём жить легче и проще.

– Жениться, говорите? А на ком, простите?

– А там в посёлках, в городах, разве гражданского населения не было?

– На БАМе ведь и посёлков, по сути, не было. По глухой тайге дорогу вели. Из кого там невесту выбирать? Так бобылём жизнь и прожил.

– А как же Вы здесь оказались?

– А поехал я всё же в Петроград. И пока ехал, война началась. Меня в Вологде при проверке документов с поезда сняли для уточнения личности. Документы у меня, сами понимаете, много вопросов вызывать могли. Срок отбывал по 58-й, значит, неблагонадёжный, не с диверсионными ли целями в Ленинград пробираюсь. Туда же немцы изо всех сил рвутся. Оставили в Вологде, на работу устроился – жить ведь как-то надо. Только за-

воды все на оборонные заказы переходят, политическому там быть не желательно, помыкался, помыкался, а когда ответ на запрос из Сибири пришёл, что документы в порядке, уже блокада началась. Обратное ехать никакой возможности – все пути забиты, заводы на восток эвакуируют. Вот и присоветовал мне майор от греха подальше ехать в деревню. У него родители из этих мест были, так я здесь и оказался.

– И что Вы тут с Вашим богатым инженерным опытом делали?

– А на что здесь мой инженерный опыт? То и делал, что все делают. Лес валил, летом его по реке сплавлял, на пиломатериале трудился. Были бы руки. А работа найдётся. Это я теперь уже ни на что не гожд.

– Видел я, как Вы дрова колете! – с восхищением сказал Вадим. – Сила ещё та!

– Сила, конечно, ещё есть, но сердчишко уже подводит. Это я так, чтобы слабинку организму не давать, бодрюсь. Но по многу уже работать не могу. Вот картинками больше завлечу. Эх, опять же мы с Вами про самовар забыли! Так ведь не солоно хлебавши и уйдёте.

– Да спасибо, я про еду за Вашими рассказами даже не вспомнил. Вы же удивительный человек!

– Вот я Вам сейчас одного здешнего назову, вот действительно человек удивительный! А я что? Я вчерашний день, я своё отжил.

– Не скажите! – запротестовал Вадим. – И уважают Вас здесь. Иначе, как графом и не называют.

– Это ведь графом можно и в насмешку.

– Нет, именно с уважением называют. Наш граф, говорят.

– Полно Вам, Вадим Альбертович, славословить! Мне это уже ни к чему. Давайте лучше пообедаем. Не обессудьте, но повар из меня так и не получился. Просто складываю продукты в чугунок, ставлю в печь, вот и вся кулинария.

Жаркое из русской печи оказалось удивительно вкусным. Вадим несколько раз похвалил кулинарные способности хозяина, но тот в ответ лишь кивал головой. Ели молча. Потом так же молча пили чай. В заварник хозяин добавил смородинного листа и мяты. Получилось очень ароматно.

– Когда домой намерены? – спросил граф, убирая со стола посуду.

– Ещё две недели практики осталось, потом и поеду.

– Изменился, наверное, Петроград.

– Изменился, конечно. Особенно окраины. А Вы когда в последний раз там были?

– А я, дорогой мой Вадим Альбертович, с молодости и не бывал больше. Боюсь воспоминаний! Это ведь, наверное, как с первой любовью через полвека встретиться. Помнишь её молодой, красивой, а видишь перед собой сгорбленную старушку.

– Нет, Ленинград на сгорбленную старушку не похож. Там многое в войну было разрушено, но уже восстановлено. Даже дворцы в пригородах и то восстанавливаются. Правда, очень медленно. Приезжайте летом. У нас остановитесь, я Вам экскурсии устраивать буду. Хотя, я думаю, Вы и так всё хорошо помните.

– А ведь и вправду помню. Ну-ка подождите, я Вам сейчас что-то покажу.

Хозяин вышел в другую комнату, и через несколько минут вернулся с кипой листов бумаги в руках.

– Вот, гляньте, узнаете ли хоть что-либо.

Он начал выкладывать на стол акварели с видами Ленинграда, Пушкино, Павловска, Стрельни, Екатерининского дворца.

– А вот это узнаете? Или уже нет собора? Поручили вместе с другими?

– Так это же Андреевский собор! Конечно, узнаю. Стоит красавец, стоит, отреставрирован, сверкает шпилями.

– Правильно, собор святого апостола Андрея Первозванного. В нём меня крестили, а жили мы на соседней, восьмой линии, в доходном доме Долгополова.

– Шесть этажей. Старинный лифт, какие ещё сохранились во многих домах Васильевского острова. Вы не поверите, но я даже бывал в этом доме. В нём у своего брата два года гостил Осип Мандельштам. И именно в этом доме он написал:

«Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
до прожилок, до детских припухших желёз.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,
Узнавай же скорее декабрьский денёк,
Где к зловещему дётю подмешан желток.
Петербург! я еще не хочу умирать!
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! У меня ещё есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице чёрной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных».

– Очень трогательное стихотворение! – сказал граф, и, отвернувшись к окну, вытер набежавшие слёзы. – А знаете, я, пожалуй, и вправду летом приеду. Разбередили Вы мне воспоминания. Всенепременно приеду и обязательно воспользуюсь Вашим гостеприимством. Я не стану Вам докучать, так, на пару дней, пройтись по Васильевскому, по Невскому, навестить на Волковском кладбище могилы маменьки и папеньки.

Это маменьки и папеньки из его уст прозвучало очень трогательно. И Вадим поспешил подтвердить:

– Вы обязательно приезжайте, вот наш адрес. – Вадим достал блокнот и записал ленинградский адрес. – Папа будет очень рад познакомиться с человеком, который слушал лекции деда. Обязательно приезжайте.

– А позвольте, молодой человек, я Вам на память эту акварель подарю.

Платон Николаевич взял со стола и протянул Вадиму рисунок Андреевского собора.

– Нет, нет, что Вы! Запротестовал Вадим. – Я не могу взять такую дорогую для Вас работу! Это же такая для Вас память, поскольку Вас именно в этом соборе крестили. Нет и ещё раз нет!

– Тогда возьмите вот этот пейзаж. Это всего в километре от посёлка. Я весной схожу и другой напишу.

Платон Николаевич снял со стены вставленную в рамку за стеклом акварель с видом цветущей яблони на краю лесного озера и протянул гостю.

– Спасибо огромное, Платон Николаевич! Это очень дорогой для меня подарок. Честное слово! А скажите, почему Вы рисуете только весну и лето?

– Знаете ли, я не люблю зиму. Именно зиму пережить в лагерях было труднее всего. Отсюда и нелюбовь моя к этому времени года. А осень? Осень, знаете ли, пора увядания... А так ещё не хочется, чтобы всё кончалось. Душа хочет возврата молодости, сопротивляется времени, потому и рисую весну, и люблю весну. Берите на память. Я заметил, что именно на эту работу Вы то и дело засматривались.

* * *

Через три дня Вадим узнал, что Платон Николаевич никогда не сможет приехать в Ленинград. Его сердце остановилось через несколько часов после их встречи.